

bookclub.ua

ISBN 978-617-12-9377-9

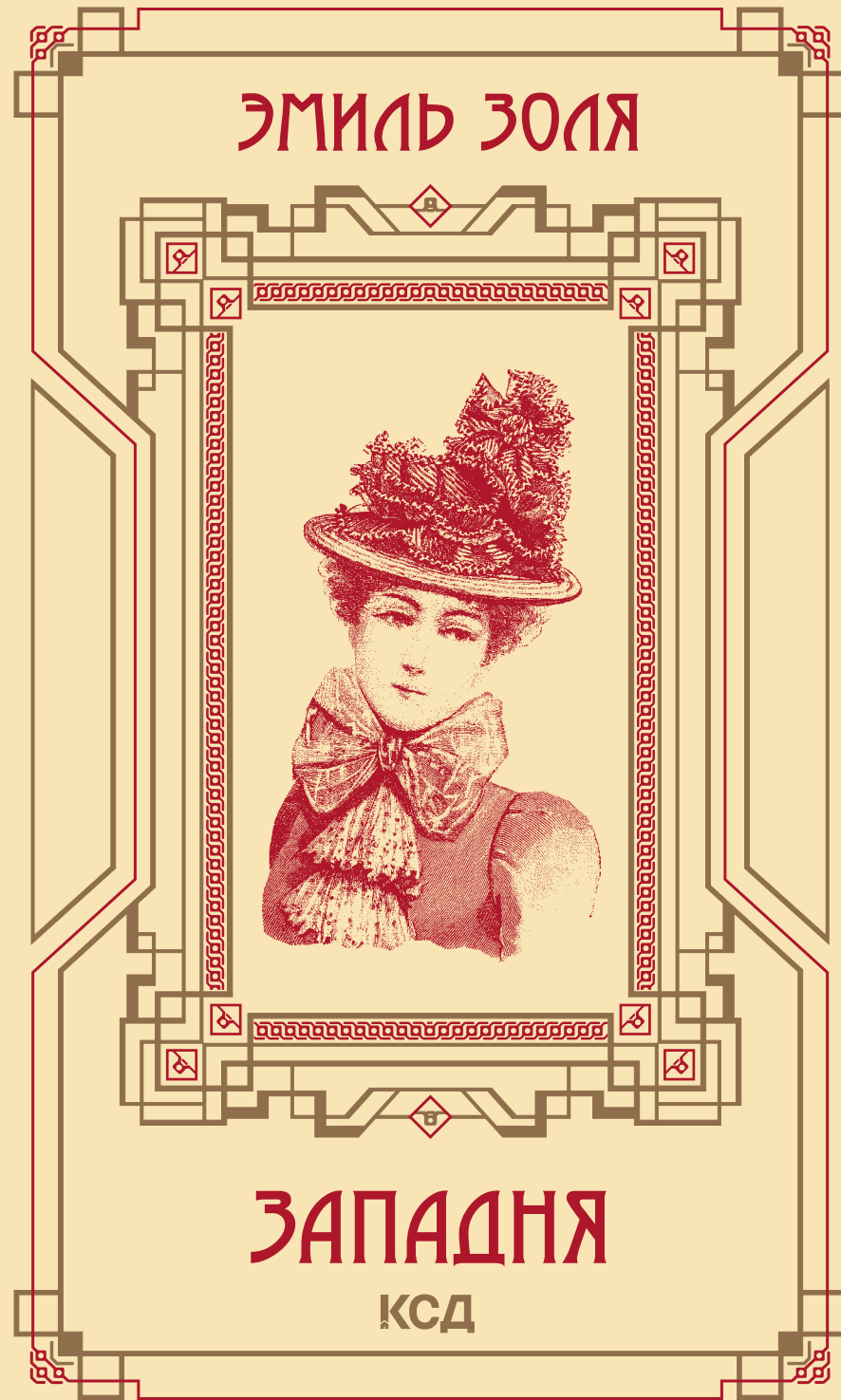
9 786171 293779

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЗАПАДНЯ

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

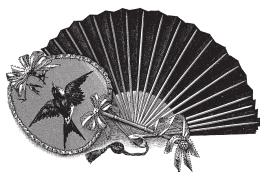
ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЗАПАДНЯ

КСД

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ÉMILE ZOLA
—•—
L'ASSOMMOIR

ROMAN

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

ЗАПАДНЯ

РОМАН

ХАРЬКОВ 2022 КСД

УДК 821.133.1
3-81

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с французского *Александра Ромма*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

ISBN 978-617-12-9377-9

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Жервеза ждала Лантье до двух часов ночи. Наконец, продрогнув в одной кофточке у окна, она повалилась поперек кровати вся в слезах и забылась лихорадочно-возбужденным сном. Вот уже с неделю Лантье, выходя из «Двуглового теленка», где они обедали, отправлял ее с детьми спать, а сам пропадал где-то до поздней ночи, будто бы в поисках работы. Нынче вечером, когда Жервеза караулила его, ей показалось, что она видела, как он входил в танцуюлку «Большой Балкон», который полыхал своими десятью окнами, заливая морем света черную полосу внешних бульваров. Позади Лантье она заметила маленькую Адель, полировщицу, обедавшую в одном ресторане с ними; она шла за Лантье следом, в пяти или в шести шагах, растопырив локти; казалось, она только что выпустила его руку, чтобы не проходить вдвоем под ярким светом фонарей, горевших у входа.

В пять часов утра Жервеза проснулась, разбитая, оочевневшая, и разразилась рыданиями: Лантье все еще не возвратился. В первый раз он не ночевал дома. Она села на край кровати, под лоскутом полинялой ткани, свисавшей со стержня, прикрепленного к потолку веревочками. Мутным от слез взглядом Жервеза медленно обвела свою жалкую комнату: ореховый комод без ящика, три соломенных стула и маленький засаленный столик, на котором стоял потрескавшийся кувшин. Железная кровать, поставленная для детей, загораживала комод и занимала почти две трети комнаты. Сундук Жервезы и Лантье с откинутой крышкой зиял в углу: он был почти пуст. На дне его из-под грязных носков и сорочек виднелась старая мужская шляпа. На спинках стульев у стены висели истрепанные штаны и рваная шаль — последнее тряпье, которого не брали даже старьевщики.

На камине, между двумя непарными цинковыми подсвечниками, лежала пачка нежно-розовых ломбардных квитанций. Это была лучшая комната в номерах, во втором этаже, с окнами на бульвар.

Дети спали рядышком на одной подушке. Восьмилетний Клод, выпростав ручки из-под одеяла, тихонько посапывал, а Этьен, которому было только четыре года, обнимал брата за шею, улыбаясь во сне. Когда заплаканные глаза матери остановились на детях, она снова разразилась рыданиями и уткнулась в платок, чтобы заглушить всхлипывания. Туфли свалились с ее ног; она даже не заметила этого, босиком подошла к окну и снова, как ночью, стала ждать, жадно вглядываясь в далекие тротуары.

Номера находились на бульваре Шапель, налево от заставы Пуассоньер. Это был старый двухэтажный дом с прогнившими от дождей ставнями, до половины выкрашенный в темно-красный цвет. Между двумя окнами, над фонарем с разбитыми стеклами, было написано большими желтыми буквами: «Гостиница «Гостеприимство», содержатель Марсулье». Прижимая платок к губам, Жервеза вглядывалась вдаль, запрокидывая голову, так как ее слепил свет фонаря. Она смотрела направо, в сторону бульвара Рошешуар, где мясники в окровавленных фартуках толпились у боен, откуда ветер доносил временами резкий запах животных. Она смотрела влево, окидывая взором длинную ленту улицы, упиравшейся прямо против нее в белую громаду строящейся больницы Ларибуазьер. Она медленно скользила взглядом по городской стене, за которой ночами раздавались крики о помощи, она вглядывалась во все закоулки, в темные углы, черные от сырости и грязи, страшась обнаружить где-нибудь труп Лантье с распоротым животом. Поверх бесконечной стены, опоясывавшей город пустынной серой полосой, уже растекался яркий свет, воздух был пронизан солнечной пылью, уже слышался утренний гул Парижа. Но чаще всего Жервеза, изогнувшись и вытянув шею, глядела в сторону заставы Пуассо-

ньер, словно завороченная непрерывным потоком людей, тележек, лошадей, стекавшим с высот Монмартра и Шапеля и вливавшимся в проем городской стены между двух низких таможенных башен. Оттуда доносился топот стада, топот толпы, которая, при внезапных остановках на мостовой, растекалась бесконечными вереницами мастеровых, идущих на работу с инструментами на плече и хлебом под мышкой. Вся эта мешанина непрерывно поглощалась Парижем, постепенно рассасываясь и растворяясь в нем. Когда Жервезе казалось, что среди идущих она узнает Лантье, она высовывалась из окна, рискуя упасть, а потом еще крепче прижимала платок к губам, как бы стараясь втиснуть в себя свое горе.

Веселый молодой голос оторвал ее от окна.

— Что, хозяина нет, госпожа Лантье?

— Нет, господин Купо, — ответила Жервеза, сияясь улыбнуться.

Это был рабочий-кровельщик, снимавший в номерах каморку за десять франков на самом верху. За плечами у него был мешок. Увидя ключ в двери, он вошел не постучав, на правах приятеля.

— Знаете, — продолжал он, — я теперь работаю там, в больнице... Но как хорош, однако, май! Ядовитая погодка, а?

Он взглянул на заплаканное, покрасневшее лицо Жервезы, заметил смятую, но застланную кровать и тихонько покачал головой. Потом подошел к детям, которые все еще спали, розовые, как ангелочки, и сказал, понизив голос:

— Так. Загулял, значит, хозяин... Да вы не расстраивайтесь, госпожа Лантье. Ведь он очень политикой интересуется. Когда на выборах голосовали за Эжена Сю, хорошего парня как будто, — он чуть с ума не сошел. Может статься, и нынче он просидел где-нибудь с друзьями всю ночь напролет и крыл каналю Бонапарта.

— Нет, нет, — с усилием прошептала Жервеза. — Это совсем не то, что вы думаете: я знаю, где Лантье... Боже мой, у всякого свое горе!

Купо подмигнул ей, чтобы показать, что не верит этой выдумке. Он предложил сбежать для нее за молоком, если она не хочет выходить; потом сказал, что она прекрасная, достойная женщина, что в беде она всегда может рассчитывать на него. Как только он ушел, Жервеза вернулась к окошку.

У заставы в холодном утреннем воздухе все еще раздавался топот. Можно было различить слесарей в синих куртках, каменщиков в белых штанах и маляров в «полупальто», из-под которых виднелись длинные блузы. Вдали вся эта масса смешивалась, стиралась в один общий мутный тон с преобладанием грязно-серого и линялого синего. Время от времени кто-нибудь из рабочих останавливался раскурить трубку, а другие шли мимо него не улыбаясь, не перекидываясь словечком; их землисто-серые лица были обращены к Парижу, и город проглатывал их одного за другим зияющим зевом улицы Фобур-Пуассоньер. Но на улице Пуассонье, у двух кабачков, расположенных друг против друга, где как раз открывались ставни, многие замедляли шаг. Прежде чем войти, люди останавливались на краю тротуара и искоса поглядывали на Париж. В руках появлялась какая-то слабость, овладевал соблазн погулять денек. У прилавка, прочищая себе глотку, опрокидывали стаканчик, отхаркивались, плевали, потом чокались, пропускали по второму и толпились, не сходя с места и загромождая помещение.

Жервеза не спускала глаз с кабачка дяди Коломба, на левой стороне: ей показалось, что Лантье вошел туда. Вдруг ее окликнула с улицы толстая простоволосая женщина в фартуке:

— Раненько вы встали, госпожа Лантье!

Жервеза нагнулась.

— А, это вы, госпожа Бош!.. У меня сегодня пропасть работы.

— Да, так вот оно и выходит. Само-то собой ничего не делается.

И начался разговор из окна на улицу. Г-жа Бош была приратницей дома, в котором ресторан «Двуголовый теленок» за-

нимал нижний этаж. Жервеза часто поджидала Лантье в ее комнатухе, чтобы не сидеть одной с обедающими мужчинами. Привратница сказала, что идет на улицу Шарбоньер: она хотела застать еще в постели должника-служащего, с которого ее муж никак не мог получить за починку сюртука. Потом она стала рассказывать, как вчера один жилец привел к себе женщину и до трех часов ночи никому не давал спать. Но, не переставая тараторить, г-жа Бош пристально, с жадным любопытством оглядывала Жервезу. Казалось, она для того только и пришла, для того и стала под окошком, чтобы выведать что-то.

— Лантье еще не вставал? — внезапно спросила она.

— Да, он спит, — ответила Жервеза и невольно вспыхнула.

Г-жа Бош с удовлетворением заметила на ее глазах слезы и отошла, ругая мужчин паршивыми бездельниками. Но она тут же вернулась и крикнула:

— Ведь вы нынче идете в прачечную, правда?.. Мне тоже нужно кое-что постирать. Я займу для вас место рядом, мы еще поболтаем. — Потом, как бы охваченная внезапной жалостью, она добавила: — А вы бы лучше отошли от окна, бедняжка вы моя. Еще заболете... Глядите, совсем посинели.

Но Жервеза словно застыла у окошка. Прошло еще два томительно долгих часа. Лавки открылись. Поток блуз, спускавшийся с высот, уже иссяк. Только отдельные запоздавшие рабочие, торопливо шагая, проходили заставу. Те, что застряли в кабачках, продолжали пить, отхаркиваться и плевать. Рабочих сменили теперь работники: лакировщицы, модистки, цветочницы. Они быстро шли по бульварам, ежась в своей легкой одежонке. Шли они кучками, по три, по четыре, оживленно болтая, хихикая, сверкая глазами и поглядывая по сторонам. Время от времени проходила в одиночку какая-нибудь пожилая работница, бледная, худая, серьезная; она медленно шагала вдоль городской стены, обходя зловонные лужи. Потом пошли служащие. Они дули на пальцы и ели на ходу пятисантиметровые булочки. Шли тощие заспанные молодые люди в коротких сюртуках, с синевой под глазами; шли желтые старички

с изможденными от долгого сидения в конторе лицами; они быстро семенили по тротуару и поглядывали на часы, соразмеряя по ним скорость своей ходьбы секунда в секунду. Наконец бульвары приняли свой мирный утренний вид. Соседние рантье прогуливались на солнышке; простоволосые матери в грязных юбках укачивали грудных младенцев и меняли им пеленки на скамейках; сопливые, обтрепанные ребятишки возились кучками, ползали по земле, пищали, смеялись и плакали.

Жервеза чувствовала, что ей становится трудно дышать, — смертельная тоска охватила ее, она больше уже ни на что не надеялась: ей казалось, что все кончено, что время остановилось, что Лантье не вернется никогда. Ее блуждающий взгляд переходил с почерневшей, пропитанной смрадом старой бойни на белесый остов строящейся больницы, сквозь зияющие пустые окна которой видны были голые палаты, куда скоро придет косить смерть. А прямо перед ней, над городской стеной, над шумно пробуждающимся Парижем небо разгоралось все ярче, и сверкающие солнечные лучи ослепляли ее.

Когда Лантье спокойно вошел в комнату, Жервеза уже не плакала. Она сидела на стуле, бессильно опустив руки.

— Это ты, ты! — закричала она, бросаясь к нему.

— Да, я. А дальше что? — ответил он. — Да что ты, одурела, что ли?

Он оттолкнул ее и сердито швырнул свою черную фетровую шляпу на комод. Это был молодой человек лет двадцати шести, маленького роста, с очень смуглой красивой физиономией, с тонкими усиками, которые он все время машинально покручивал. На нем были синие холщовые рабочие штаны и старый, засаленный, узкий в талии сюртук. Говорил он с резким провансальским акцентом.

Жервеза снова опустилась на стул и тихонько, прерывающимся голосом стала жаловаться:

— Я всю ночь глаз не смыкала... я думала, тебя убили... Где ты был? Где ночевал?.. Боже мой! Не говори ничего, я с ума сойду!.. Огюст, где ты был?

— Где надо, там и был, — отвечал Огюст, пожимая плечами. — В восемь часов был в Гласьере, у того приятеля, что хочет открыть шапочную мастерскую. Ну, и засиделся там. Конечно, я предпочел заночевать... И потом — ты отлично знаешь, я терпеть не могу, когда за мной шпионят. Оставь меня, пожалуйста, в покое!

Жервеза снова зарыдала... Шум голосов, резкие движения Лантье, который сердито двигал стульями, разбудили детей. Они уселись полуголые в кровати и начали ручонками приглаживать волосы. Услышав материнский плач, они отчаянно заревели: слезы хлынули градом из их заспанных слипавшихся глазенок.

— Ну, пошла музыка! — в бешенстве закричал Лантье. — Смотрите, я уйду! Да, уйду! И на этот раз уйду навсегда!.. Да заткнетесь вы или нет? Прощайте! Я ухожу, откуда пришел.

Он уже схватил было с комода свою шляпу, но Жервеза вскочила, крича:

— Нет, нет!

Она стала ласково унимать детей. Она целовала их волосы, она укладывала их, шепча им нежные слова. Дети сразу затихли, снова улеглись на одну подушку и принялись щипать друг друга, весело смеясь. Утомленный, бледный от бессонной ночи отец бросился на кровать, не сняв даже сапог. Он не уснул. Он лежал с широко раскрытыми глазами и оглядывал комнату.

— Нечего сказать, чистота! — прошептал он.

Потом посмотрел на Жервезу и злобно добавил:

— Ты, кажется, решила больше не умываться?

Жервезе было двадцать два года. Она была довольно высокая и стройная, с тонкими чертами лица, уже потрепанного суровой жизнью. Нечесаная, в стоптанных башмаках, в грязной, засаленной белой кофточке, посиневшая от холода, она, казалось, постарела на десять лет за эти несколько часов страшного, мучительного ожидания. Она все еще была пришиблена страхом. Слова Лантье вывели ее из оцепенения.

— Какой ты несправедливый, — заговорила она, приходя в себя. — Ты ведь прекрасно знаешь, я делаю все, что в моих силах. Я не виновата, что мы дошли до этого... Поглядела бы я на тебя, как бы ты справился с двумя детьми в комнате, где нет даже печки, воду не на чем согреть... Когда мы приехали в Париж, не надо было сразу проедать все деньги. Надо было сейчас же устроиться, как ты мне обещал!

— Скажите, пожалуйста! — закричал он. — Ты транжирила деньги вместе со мной. Нечего теперь жаловаться!

Но Жервеза, казалось, не слушала его; она продолжала:

— В конце концов, если храбро приняться за дело, мы еще можем выкарабкаться... Вчера вечером я говорила с госпожой Фоконье, прачкой с Рю-Нев. С понедельника она берет меня. Если у тебя выйдет что-нибудь с твоим другом из Гласьера, мы оправимся в полгода. Приоденемся, снимем какую-нибудь комнатуху, у нас будет свой угол... Надо работать, работать...

Лантье со скучающим видом повернулся к стене. Жервеза вспыхнула.

— Так оно и есть! Не очень-то ты любишь работать. Прямо лопаешься от важности. Ты хотел бы одеваться, как барин, и катать девок в шелковых юбках. Теперь, когда я заложила из-за тебя все мои платья, я стала недостаточно красива... Вот оно что!.. Огюст, я не хотела тебе об этом говорить, я бы еще, пожалуй, подождала, — но я знаю, где ты провел ночь. Я видела, как ты входил в «Большой Балкон» с этой шлюхой Аделью! Да, ты удачно выбрал! Она-то чистенькая! Она ведет себя, как принцесса, и имеет на это полное право!.. Весь ресторан спал с ней.

Лантье одним прыжком соскочил с кровати. Лицо его было бледно, глаза стали темными, как чернила. Этот маленький человечек быстро приходил в ярость и сразу переставал владеть собой.

— Да, да, весь ресторан! — повторяла Жервеза. — Скоро госпожа Бош выгонит ее, а вместе с ней и ее сестру, эту тощую клячу. Потому что на лестнице постоянно толкуются мужчины, целый хвост мужчин!

Лантье поднял было кулаки, но тут же подавил в себе желание избить Жервезу. Он схватил ее за руки, свирепо встряхнул и швырнул на детскую кровать. Дети снова громко заплакали. Тогда Лантье опять улегся и пробормотал со свирепым видом, словно принял вдруг какое-то решение, на которое до сих пор не мог отважиться.

— Ты, Жервеза, сама не знаешь, что ты сейчас наделала... Ты об этом пожалеешь. Вот увидишь.

Дети все еще плакали. Мать, нагнувшись над ними, обнимала обоих, тупо повторяя одни и те же слова:

— Бедняжечки мои, если бы только вас здесь не было!.. Ах, если бы вас не было! Если б вас здесь не было!..

Лантье спокойно лежал на кровати, не слушая причитаний Жервезы, и, уставившись на линияющую занавеску, казалось, что-то угрюмо обдумывал. Так он провалялся около часа, борясь со сном, хотя веки его смыкались от усталости. Наконец он повернулся и оперся на локоть; на лице его была написана злобная решимость. Жервеза уже кончила уборку комнаты. Она подняла и одела детей, оправила их постель. Лантье смотрел, как она подметала пол, вытирала пыль с мебели. Но комната все-таки выглядела жалкой и мрачной. Потолок был закопчен; обои отставали от сырых стен; грязь на сломанных стульях и на комодке только размазывалась под тряпкой. Жервеза подвязала волосы перед привешенным к оконному шпингалету маленьким круглым зеркальцем, которым пользовался и Лантье, когда брился, и стала умываться. Лантье внимательно рассматривал ее голые руки, голую шею, все, что было обнажено, как бы сравнивая ее мысленно с кем-то. Он сделал брезгливую гримасу. Жервеза прихрамывала на правую ногу, но это было заметно, только когда она особенно уставала и уже не в состоянии была следить за собой. Сегодня утром, после этой ужасной ночи, она волочила ногу и хваталась руками за стены.

В комнате царила полная тишина, никто не произносил ни слова. Лантье как будто выжидал. Жервеза, снедаемая мукой,

старалась казаться равнодушной и торопилась. Когда она стала увязывать в узел грязное белье, засунутое в угол за сундук, он, наконец, открыл рот и спросил:

— Что это ты делаешь?.. Куда ты идешь?

Жервеза ничего не ответила. Но когда он злобно повторил вопрос, она резко и решительно сказала:

— Ты сам отлично знаешь... Я иду стирать. Нельзя же детям жить в грязи.

Он помолчал, пока она собирала платки, и вдруг спросил:

— А деньги у тебя есть?

Жервеза сразу выпрямилась и, не выпуская из рук грязных детских рубашек, посмотрела на него в упор.

— Деньги? Ты, может быть, хочешь, чтоб я воровала?.. Ты сам отлично знаешь, что позавчера я получила три франка за мою черную юбку. С тех пор мы два раза на это пообедили. Еда живо подбирает деньги... Разумеется, никаких денег у меня нет. У меня ровно четыре су на прачечную... Я не подрабатываю, как иные женщины.

Лантье не обратил внимания на намек. Он слез с кровати и стал рассматривать развешенное по комнате старье. Наконец он снял со стены штаны и шаль, отпер комод и вытащил две женские рубашки и кофточку. Все это он бросил Жервезе на руки.

— Пойди заложу.

— Может быть, ты хочешь, чтоб я и детей кстату заложу? — спросила она. — Вот было бы отлично, если бы детей принимали в залог! Сразу бы у нас руки развязались.

Но все-таки она пошла в ломбард. Она вернулась через полчаса, положила на камин пятифранковую монету и присоединила к пачке прежних новую нежно-розовую квитанцию.

— Вот все, что мне дали, — сказала она. — Я просила шесть франков, да не добилась. О, они-то не разорятся... И все-таки там всегда полно народа.

Лантье не сразу взял монету. Он хотел сначала послать Жервезу разменять пять франков, чтобы оставить что-

нибудь и ей, но потом, заметив на комодке остатки ветчины в бумаге и кусок хлеба, опустил монету в жилетный карман.

— Я не пошла к молочнице, — продолжала Жервеза, — потому что мы должны ей уже за неделю. Но я скоро вернусь. Пока меня не будет, сходи за хлебом и котлетами к завтраку... Возьми еще литр вина.

Он ничего не ответил. Казалось, снова установился мир.

Молодая женщина продолжала увязывать грязное белье. Но когда она взялась за носки и рубашки Лантье, лежавшие в сундуке, он закричал, чтобы она их не трогала.

— Оставь мое белье, слышишь? Я не желаю!

— Чего это ты не желаешь? — спросила она, выпрямившись. — Не собираешься же ты в самом деле опять надеть эту грязь? Надо выстирать.

Она тревожно вглядывалась в его красивое молодое лицо, выражавшее непреклонную жестокость, которую, казалось, ничто не могло смягчить. Лантье разозлился, вырвал у нее из рук белье и швырнул его в сундук.

— Черт возьми! Да будешь ты слушаться? Говорю тебе, я не желаю!

— Но почему? — спросила она, бледнея, охваченная смутным ужасным подозрением. — Тебе сейчас вовсе не нужны сорочки, ведь ты же никуда не уезжаешь... Не все ли тебе равно, если я заберу их?

Лантье с секунду молчал, смущенный ее пристальным, горящим взглядом.

— Почему... почему... — пробормотал он. — А ну тебя к черту! Ты будешь всюду рассказывать, что я у тебя на шее сижу, что ты стираешь на меня, чинишь. Так вот! Мне это надоело... К черту!.. Занимайся своими делами, а меня оставь в покое. Прачки на босяков не стирают.

Жервеза стала упрашивать его, оправдываясь, что она и не думала жаловаться, но Лантье грубо захлопнул сундук, уселся на него и с ненавистью крикнул:

— Нет! В конце концов, имею же я право распоряжаться своими вещами.

Потом, чтобы избежать ее взгляда, неотступно следившего за ним, он снова улегся на кровать, заявил, что ему хочется спать, и потребовал, чтобы она оставила его в покое. На этот раз он как будто и в самом деле заснул.

Жервеза стояла в нерешительности. Ей хотелось швырнуть узел с бельем, остаться дома, усесться за шитье. Но ровное дыхание Лантье в конце концов успокоило ее. Она взяла шарик синьки и кусок мыла, оставшиеся от последней стирки, и, подойдя к детям, которые спокойно играли под окном старыми пробками, наклонилась, поцеловала их и сказала вполголоса:

— Будьте умниками и не шумите. Папа спит.

Когда она выходила, все в комнате было тихо; только приглушенный смех Клода и Этьена раздавался под закопченным потолком. Было десять часов утра. Узкая солнечная полоска падала в комнату сквозь полуоткрытое окно.

Выйдя на бульвар, Жервеза повернула налево и пошла по Рю-Нев. Проходя мимо заведения г-жи Фоконье, она поклонилась ей. Прачечная находилась в средней части улицы, в том самом месте, где начинается подъем. На крыше низкого, плоского здания три огромных резервуара для воды, три цинковых цилиндра, закрепленных толстенными болтами, выделялись своими серыми округлыми контурами. Позади них, высоко-высоко, на уровне третьего этажа, возвышалась сушильня; сквозь ее ажурные стены из тонких горизонтальных планок, между которыми свободно гулял ветер, видно было белье, сушившееся на латунных проволоках. Справа от резервуаров мерно и тяжело пыхтела узкая труба паровой машины, выбрасывая клубы белого дыма. Войдя в дверь, загроможденную кувшинами с жидким жавелем, Жервеза, привыкшая к лужам, даже не подобрала юбок. Она уже знала хозяйку прачечной, маленькую, хрупкую женщину с большими глазами, сидевшую за своими конторскими книгами

в застекленной комнатке. Около нее лежали на полках бруски мыла, шарики синьки в стеклянных банках, пакеты соды по полкило. Проходя мимо нее, Жервеза спросила свой валеk и щетку, оставленные на сохранение с прошлой стирки. Потом, получив номерок, она вошла в прачечную.

Это был огромный сарай с широкими окнами. Выступавшие балки потолка поддерживались чугунными столбами. Сквозь горячие испарения, вздымавшиеся молочным туманом, еле проникал мутный свет. Изo всех углов поднимался пар и, расплываясь, обволакивал все голубоватой дымкой. С потолка капало. Тяжелая сырость была пропитана мыльным запахом, застоявшимся, противным, удушливым. По временам все заглушала густая вонь жавеля. Вдоль прачечной, по обе стороны среднего прохода, стояли вереницы женщин с голыми шеями, с голыми до плеч руками, в подоткнутых юбках, из-под которых были видны ноги в цветных чулках и грубых шнурованных ботинках. Грязные, грубые, нескладные, насквозь промокшие, с багрово-красной дымящейся кожей, они яростно колотили белье, громко хохотали, запрокидывая головы, стараясь перекричать мощный гул, и снова низко склонялись над лоханями. Вокруг них и под ними хлестали потоки воды, с маху опрокидывались ведра с горячей водой, холодная вода из кранов била сверху сильной струей, из-под вальков летели брызги, с отжимаемого белья лились каскады воды, под ногами хлюпали лужи, и целые ручьи текли по наклонному плиточному полу. И среди этого гвалта и мерного стука, среди бормочущего шороха ливня, среди ураганного гула, гудевшего под мокрым потолком, безостановочно и тяжело хрипела запотевшая белая паровая машина с судорожно трепещущим маховиком, который, казалось, управлял всем этим невообразимым шумом.

Жервеза, поглядывая по сторонам, подвигалась мелкими шажками по среднему проходу мимо снующих во все стороны, толкающихся женщин. Она несла узел с бельем, слегка перегнувшись и сильнее обычного припадая на больную ногу.

— Сюда, сюда, милая! — донесся до нее зычный голос г-жи Бош.

Когда Жервеза подошла, привратница, яростно оттиравшая носки, заговорила безостановочно, ни на секунду не бросая работы:

— Устраивайтесь тут. Я заняла вам место... Я долго стирать не буду. Бош почти совсем не пачкает белья... А вы? Кажется, вы тоже недолго провозитесь... У вас совсем маленький узелок. Мы отделаемся еще до полудня и пойдем завтракать... Раньше я отдавала белье прачке с улицы Пуле, но она мне все изгадила хлором и щетками. Теперь я стираю сама. Гораздо выгодней. Расход только на мыло... Послушайте, эти рубашонки надо сначала хорошенько вымочить. Экие пострелята эти ребятишки: право, у них зад словно сажей вымазан.

Жервеза уже развязала свой узел и выложила детские рубашки. Г-жа Бош посоветовала ей взять ведро щелока, но она ответила:

— Нет, нет. Довольно будет и горячей воды... Я знаю.

Она разобрала белье, отложила в сторону несколько штук цветного и влила в лохань четыре ведра холодной воды из-под крана. Потом, погрузив в воду все нецветное белье, она подобрала юбку, зажала ее между колен и вошла в похожую на ящик клетушку, доходившую ей до живота.

— Ба, да вы все отлично умеете! — проговорила г-жа Бош. — Вы, кажется, были на родине прачкой? Ведь так, моя милая?

Жервеза засучила рукава, обнажив красивые, молодые, белые, чуть розоватые на локтях руки, и принялась за стирку. Она положила рубашку на узкую, изъеденную, побелевшую от воды доску, намылила, перевернула и намылила с другой стороны. Затем, все еще не отвечая, она взяла валик и стала размеренно и сильно бить. Только тут она заговорила, выкрикивая отрывистые фразы в такт ударам:

— Да, да, прачкой... С десяти лет... С тех пор двенадцать лет прошло... Мы ходили на реку... Там пахло получше, чем

здесь. Посмотрели бы вы... какой там чудесный уголок... под деревьями... вода чистая, прозрачная... Это было в Плассане... Вы не знаете Плассана?.. Около Марсея...

— Вот это да! — восторженно закричала г-жа Бош, восхищенная силой ударов. — Ай да баба! Да вы железо расплющите своими барскими ручками!

Они продолжали разговаривать, стараясь перекричать шум. Время от времени привратница наклонялась к Жервезе, чтобы расслышать ее. Наконец белье было отбито, и отбито здорово! Жервеза снова погрузила его в лохань и стала вынимать штуку за штукой, чтобы намылить еще раз и затем оттереть щеткой. Придерживая белье на доске одной рукой, она терла по нему короткой жесткой щеткой, соскребая грязную пену, падавшую ключьями. Под этот глухой скрежет обе женщины, наклонившись друг к дружке, стали разговаривать тише, — разговор принял более интимный характер.

— Нет, мы не женаты, — говорила Жервеза. — Я этого и не скрываю. Лантье вовсе не так уж хорош, чтоб я мечтала выйти за него замуж. Эх, если б не было детей! Когда родился старший, мне было четырнадцать лет, а Лантье — восемнадцать. А через четыре года появился второй. Вот так оно и случилось, как это всегда случается, сами знаете. Мне плохо жилось дома. Старик Маккар бил меня походя, вечно пинал ногами. Ну, вот меня и тянуло из дома, поразвлекься как-нибудь... Мы могли бы пожениться, да как-то уж так вышло... наши родители были против.

Она стряхнула с покрасневших рук белую пену.

— В Париже жесткая вода, — сказала она.

Г-жа Бош стирала вяло. Она останавливалась, чтобы хорошенько вникнуть в эту историю, занимавшую ее любопытство вот уже две недели, а тем временем у нее в лохани опала пена. Она слушала с полукрытым ртом, ее толстое лицо было напряжено, глаза навывкате сверкали. Крайне довольная своей догадливостью, она думала: «Так, так! Ясно. Что-то чересчур она разболталась: видно, они разругались».

И она громко спросила:

— Значит, он не очень-то покладистый?

— Ах, и не говорите! — отвечала Жервеза. — Там, на родине, он был очень хорош со мной; но с тех пор, как мы переехали в Париж, я никак не могу свести концы с концами. У него, видите ли, в прошлом году умерла мать. Она оставила ему что-то около тысячи семисот франков. Он решил переехать в Париж. Ну, а так как папаша Маккар лупил меня нещадно, я и решила уехать с Лантье. Мы взяли с собой обоих детей. Он хотел устроить меня в прачечной, а сам собирался работать шапочником. Мы могли быть очень счастливы... Но, видите ли, Лантье слишком много о себе воображает, к тому же он мот: думает только о своем удовольствии. В конце концов, он не многого стоит... Сначала мы остановились в отеле «Монмартр», на улице Монмартр. Ну и пошли обеды, извозчики, театры, ему — часы, мне — шелковое платье... Когда есть деньги, он очень добрый. И вот в два месяца мы растрясли решительно все. Тогда-то мы и поселились в этих номерах, и началась эта проклятая жизнь...

Жервеза запнулась, слезы снова сдавили ей горло. Она уже кончила отстирывать белье.

— Надо сходить за горячей водой, — прошептала она.

Но г-жа Бош, очень недовольная тем, что столь откровенный разговор может прерваться, подозвала проходившего мимо служителя:

— Шарль, милейший, будьте добры, сходите за горячей водой для госпожи Лантье. Она очень торопится.

Шарль взял ведро и скоро вернулся с водой. Жервеза заплатила ему, — ведро стоило одно су, — и, вылив горячую воду в лохань, стала намыливать белье в последний раз без щетки, руками, низко нагнувшись над скамьей, вся окутанная паром, который легкими серыми струйками пробежал по ее светлым волосам.

— Надо положить соды; вот, возьмите у меня, — любезно предложила привратница.

И она высыпала в лохань Жервезы остатки соды из своего пакета. Потом она предложила ей жавеля, но Жервеза отказалась, сказав, что жавель хорош только для салных или винных пятен.

— Я думаю, он не прочь приволокнуться, — продолжала г-жа Бош, имея в виду Лантье, но не упоминая его имени.

Жервеза стояла согнувшись, погрузив руки в белье. Она только кивнула головой.

— Да, да, — продолжала г-жа Бош, — я и сама не раз замечала это за ним... — Но она тут же спохватилась, так как Жервеза внезапно подняла голову и, выпрямившись, вся бледная, так и впиалась в нее глазами.

— Нет, нет! Я ничего не знаю! — кричала г-жа Бош. — Разве что он любит посмеяться, вот и все!.. Ну и эти две девчонки, что живут у нас: Адель и Виржини — вы ведь знаете их? — так вот, он не прочь пошутить с ними. Ну и что же из этого? Дальше шуток дело не идет, в этом я уверена.

Жервеза стояла перед ней с потным лицом, с мокрыми руками и глядела на нее пристальным, упорным взглядом. Тут привратница в сердцах стала бить себя кулаком в грудь и божиться.

— Да говорят вам, я ничего не знаю! — кричала она.

Потом, успокоившись, она прибавила сладеньким голосом, каким говорят, чтобы скрыть от человека тяжелую истину:

— По-моему, у него очень честные глаза... Он женится на вас, уж поверьте, моя милая!

Жервеза вытерла лоб мокрой рукой. Потом она трянула головой и вытащила из воды белье. Обе несколько минут молчали. Прачечная затихла. Пробило одиннадцать часов. Большинство прачек принялись закусывать. Они ели хлеб с колбасой, присев на краешек лоханок и поставив в ногах откупоренные бутылки с вином. Только хозяйки, пришедшие с маленькими узелками, торопились достирать свое белье и все время поглядывали на часы, висевшие над конторской будкой. Редкие удары вальков раздавались среди тихих смешков,

разговоров и жадного чавканья жующих челюстей, между тем как паровая машина, трудившаяся без передышки, казалось, повысила голос, наполнив огромный сарай своим судорожным хриплым гулом. Но женщины не слышали ее. Этот гул был как бы обычным дыханием прачечной, знойным дыханием, от которого под балками потолка скапливались непрерывно колыхавшиеся клубы пара. Жара становилась невыносимой. Солнечные лучи, падавшие слева, сквозь высокие окна, расцветчивали стелющийся, клубящийся пар в нежные опаловые, серовато-розовые и голубовато-серые тона. И так как все кругом стали жаловаться на жару, то Шарль, переходя от окна к окну, задернул на солнечной стороне плотные шторы; потом он перешел на теневую сторону и открыл форточки. Его восторженно приветствовали, ему аплодировали; волна веселости прокатилась по прачечной. Между тем замолкли и последние вальки. Теперь прачки уже не говорили, а только жестикулировали ножами, зажатыми в кулаки: рты их были набиты едой. Стало так тихо, что ясно слышен был размеренный скрежет лопаты истопника, подбиравшего с пола каменный уголь и швырявшего его в топку машины.

Жервеза стирала цветное белье в горячей мыльной воде. Кончив, она придвинула козелки и перекинула через них белье, с которого сейчас же натекли на пол голубоватые лужи. Тогда она взялась за полоскание. Позади нее, под холодным крапом, стоял привинченный к полу пустой бак с двумя деревянными перекладами для поддержки белья. Над баком были устроены еще две переклады, на которые белье вешалось, чтобы с него стекала вода.

— Ну, вот я и кончаю. Это неплохо, — сказала г-жа Бош. — Я останусь и помогу вам все выжать.

— О, спасибо, не стоит: мне вовсе не трудно, — ответила Жервеза, уминая кулаками и прополаскивая в чистой воде цветное белье. — Вот если бы у меня были простыни, тогда другое дело.

Но ей все-таки пришлось воспользоваться помощью при-
вратницы. Они вдвоем, с двух концов, выжимали коричне-
вую шерстяную юбчонку, с которой стекала желтая вода, —
как вдруг г-жа Бош воскликнула:

— Смотрите-ка, долговязая Виржини!.. Что ей здесь на-
до? Неужели она пришла стирать эти лоскуточки, завязан-
ные в носовом платке?

Жервеза резким движением подняла голову. Виржини,
темноволосая девушка одного с нею возраста, но значитель-
но выше ее, была очень недурна собой, несмотря на несколь-
ко вытянутое, длинное лицо. Одета она была в старое чер-
ное платье с воланами, на шее у нее была красная ленточка;
волосы тщательно уложены узлом и подхвачены синей шел-
ковой сеткой. Остановившись в среднем проходе, она, при-
щурившись, глядела по сторонам, как бы отыскивая кого-то;
заметив Жервезу, она выпрямилась, направилась в ее сто-
рону, спокойно прошла мимо, нахально покачивая бедрами,
и устроилась в том же ряду, через пять лоханей.

— Что за причуда такая, — тихо продолжала г-жа Бош. —
Никогда она ничего не стирает! Вот уж бездельница, поверь-
те мне! Портниха, которая даже своих вещей починить не мо-
жет! Точь-в-точь такая же, как ее сестра, эта негодяйка
Адель, полировщица! Та ходит в мастерскую через два дня
на третий! Никто не знает, кто их отец и мать, никто не зна-
ет, чем они живут! Да, если бы порассказать... Что это она
там трет? Черт! Да это юбка! Боже, какая отвратительная
грязь! Да, юбка эта видала виды!

Г-жа Бош, очевидно, хотела доставить Жервезе удоволь-
ствие. А по правде говоря, она частенько пила у Виржини
и Адели кофе, особенно когда у них бывали деньги. Жерве-
за ничего не отвечала; она торопилась, руки ее тряслись,
как в лихорадке. Разведя синьку в маленькой шайке на трех
ножках, она стала погружать в нее белье штуку за штукой.
Прополоскав белье в подсиненной воде, она сейчас же вы-
нимала его, слегка отжимала и развешивала на деревянных

перекладинах. Работая, Жервеза нарочно все поворачивалась к Виржини спиной. Но она слышала ее вызывающие смешки и чувствовала на себе ее косые взгляды. Казалось, Виржини только затем и пришла, чтобы позлить ее. Когда Жервеза на секунду обернулась, они пристально поглядели друг другу в глаза.

— Оставьте ее, — прошептала г-жа Бош. — Ведь не собираетесь же вы вцепиться друг другу в волосы!.. Я вам говорю, ничего решительно не было! И потом, ведь это не она!

Жервеза повесила последнюю рубашку. В эту минуту у дверей послышался смех.

— Тут двое парнишек спрашивают мамашу! — крикнул Шарль.

Все женщины обернулись. Жервеза узнала Клода и Этьена. Разглядев мать, они побежали к ней, шлепая по лужам, в своих расшнуровавшихся ботинках. Каблучки звонко щелкали по плитам. Клод как старший держал брата за руку. Видя, что они немного испуганы, хотя и стараются улыбаться, прачки подбодряли их ласковыми словами. Подбежав к матери, дети остановились и, все еще держась за руки, подняли белокурые головки.

— Вас прислал папа? — спросила Жервеза.

Но, наклонившись, чтобы завязать Этьену шнурки, она заметила, что у Клода болтается на пальце ключ от комнаты с медным номерком.

— Господи! Ты принес мне ключ? — сказала она с удивлением. — Зачем это?

Ребенок, увидав на своем пальце ключ, о котором он успел забыть, сразу, казалось, вспомнил, в чем дело, и звонко закричал:

— Папа уехал!

— Он пошел купить что-нибудь к завтраку и послал вас за мной?

Клод поглядывал на брата и колебался, не зная, что сказать. И вдруг выпалил одним духом:

— Папа уехал... Он соскочил с кровати, сложил все вещи в сундук и отнес сундук в фиакр... Он уехал.

Жервеза побледнела и медленно поднялась, сжимая руками щеки и виски, как будто чувствовала, что у нее вот-вот треснет голова. Она не находила слов и тупо бормотала:

— Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!..

А тем временем г-жа Бош в полном восторге от того, что она оказалась участницей такой истории, выспрашивала малыша:

— Послушай, детка, ты расскажи все по порядку. Папа запер дверь и велел тебе отнести сюда ключ, ведь так? — Тут она понизила голос и уже на ухо спросила у Клода: — А в фиакре была дама?

Ребенок опять замаялся, а потом снова, с торжествующим видом, повторил свой рассказ:

— Он соскочил с кровати. Он сложил все вещи в сундук и уехал.

Как только г-жа Бош оставила его в покое, он потащил брата к крану. Оба с увлечением стали пускать воду.

Жервеза не могла плакать, она задыхалась. Закрыв лицо руками, она молча стояла, прислонившись к лохани. Короткая дрожь сотрясала ее. Время от времени она глубоко вздыхала, еще крепче прижимая кулаки к глазам, как бы стараясь обратиться в ничто, исчезнуть перед ужасом своего одиночества. Ей казалось, что она падает в мрачную пропасть.

— Ну, бросьте, милая, полно, — шептала г-жа Бош.

— Если бы вы знали! Если бы знали! — сказала наконец Жервеза еле слышно. — Он послал меня утром в ломбард положить мою шаль и рубашки, чтобы заплатить за этот фиакр...

И она заплакала. Вспомнив о ломбарде, она только теперь поняла истинный смысл утренней сцены и разразилась рыданиями. Так вот зачем он послал ее в ломбард!.. Эта гнусная уловка Лантье наполнила ее душу нестерпимой горечью и терзала больше всего. Слезы, которые уже давно душили ее, вдруг обильно потекли по лицу; она смахивала их мокрыми руками, ей даже не приходило в голову вынуть платок.

— Да образумьтесь же вы, придите в себя, на вас смотрят, — повторяла г-жа Бош, суетясь около нее. — Стоит ли так убиваться из-за мужчины! Значит, вы все еще любите его, бедняжка вы моя? А ведь вот только что вы так возмущались им! И вот вы плачете, раздираете себе из-за него сердце... Господи, какие мы глупые!

Потом она начала проявлять материнские чувства:

— И такая хорошенькая женщина, как вы! Да разве можно?.. Я думаю, теперь уже надо рассказать вам все, верно? Ну, вот! Когда я подошла к вашему окошку, я уже подозревала... Вы только представьте себе: сегодня ночью, когда Адель возвращалась домой, я услышала, кроме ее шагов, еще какие-то мужские. Я, конечно, выглянула на лестницу, чтобы узнать, кто это. Чужой мужчина был уже на третьем этаже, но я сразу узнала сюртук господина Лантье. Бош сторожил утром лестницу и видел, как он совершенно спокойно уходил... Он спал с Аделью, понимаете? У Виржини уже есть любовник: она ходит к нему два раза в неделю. Но ведь это в конце концов просто нечистоплотно! У них одна комната и одна постель, и я, право, не понимаю, где могла спать Виржини.

Она на минуту остановилась, оглянулась и снова заговорила своим грубым, глухим голосом:

— Вы плачете, а эта злюка смеется там над вами. Головой ручаюсь, что ее стирка только для отвода глаз... Она устроила ту парочку и пришла сюда, чтобы рассказать им, что с вами было, когда вы узнали...

Жервеза отняла руки от лица и посмотрела. Виржини стояла с тремя или четырьмя женщинами и, пристально глядя на нее, тихо рассказывала им что-то. Неистовая ярость охватила Жервезу. Вытянув руки, она принялась шарить по полу, топчась на месте и дрожа всем телом; потом сделала шаг, другой, натолкнулась на полное ведро, схватила его обеими руками и выплеснула со всего маху.

— Ах, стерва! — закричала долговязая Виржини.

Она отскочила назад: вода попала ей только на ноги. Прачки, взволнованные слезами Жервезы, уже толпились кругом: им не терпелось посмотреть на драку. Те, которые только что сидели и жевали, взобрались на лохани, другие сбегались, размахивая мыльными руками. Образовался круг.

— Ах, стерва! — повторяла Виржини. — Да она взбесилась!

Жервеза стояла с искаженным лицом, выдвинув вперед подбородок, и ничего не отвечала. Она еще не владела искусством парижской брани. А Виржини продолжала орать:

— Вот дрянь-то! Ей надоело таскаться по провинции! Она там с двенадцати лет путалась с каждым солдатом! Подстилка солдатская! Она и ногу там потеряла!.. Смотрите, у нее нога совсем отгнила!..

Раздался смех. Ободренная успехом, Виржини подошла на два шага, выпрямилась и заорала еще громче:

— Ну, подходи, что ли! Посмотришь, как я тебя отделаю! Смотри, лучше не надоедай нам! Шкура! Я ее хорошо знаю. Пусть она только тронет меня, я ей задам! Пусть она скажет, что я ей сделала... Говори, рожа, что я тебе сделала?

— Не разговаривайте много, — бормотала Жервеза. — Вы отлично знаете... Моего мужа видели вчера вечером... За-молчите, иначе я вас сейчас задушу.

— Ее мужа! Да она смеется, что ли? Муж!.. Как будто у таких бывают мужья! Я не виновата, что он тебя бросил. Может быть, я украла его у тебя? Пусть меня обыщут!.. Если хочешь знать, ты ему отравляла жизнь! Он был слишком хорош для тебя!.. Да был ли у него ошейник по крайней мере? Кто разыщет мужа этой дамы? Будет выдано вознаграждение...

Смех возобновился. Жервеза тихо, почти шепотом повторила одни и те же слова:

— Вы отлично знаете, отлично знаете... Это ваша сестра. Я задушу вашу сестру...

— Ну, что ж, поди сцепись с моей сестрой, — отвечала, издеваясь, Виржини. — Ах, так это моя сестра? Что ж, может стать! Моя сестра немножко почище тебя!.. Да какое

мне до всего этого дело? Что мне, нельзя и постирать спокойно? Оставь меня в покое! Слышишь, ты? Довольно!

Она отошла, но, сделав пять или шесть ударов вальком, вернулась опять, разгоряченная, опьяненная собственной бранью. Она то умолкала, то снова принималась ругаться.

— Ну да! Это моя сестра. Что ж, довольна ты?.. Они обожают друг друга. Посмотреть только, как они воркуют!.. Он бросил тебя с твоими ублюдками! Нечего сказать, ангелочки. У них все рожи в струпьях! Один из них от жандарма — ведь так? — а трех других ты уморила для легкости, чтобы не тащить с собой в дорогу!.. Это нам твой Лантье говорил! Да, хорошенькие вещи он нам рассказывал! Сколько он вытерпел с тобой, шука!

— Шлюха! Шлюха! Шлюха! — заорала Жервеза, вся дрожа от бешенства.

Она повернулась, опять пошарила по полу и, найдя только маленькую шайку с синькой, схватила ее и выплеснула Виржини в лицо.

— Ах, мерзавка! Она изгадила мне платье! — закричала Виржини, у которой плечо и левый рукав сразу стали синими. — Ну, погоди, сволочь ты этакая!

Она в свою очередь схватила ведро и выплеснула его на Жервезу. Началось настоящее сражение. Обе женщины бегали вдоль ряда лоханей, хватали полные ведра, возвращались и опрокидывали их друг другу на голову. Каждое ведро сопровождалось взрывом ругательств. Теперь уже и Жервеза отвечала:

— На, получи, паскуда!.. Остуди себе зад!

— А, стерва!.. Вот тебе! Умойся хоть раз в жизни!

— Я тебе отмочу грязь, рвань панельная!

— На, на, вот еще!.. Выполощи себе пасть и принарядись для ночного дежурства на углу улицы Бельом!

Дошло до того, что они стали наливать ведра из-под кранов. Пока ведра наполнялись, они наперерыв осыпали друг друга площадной бранью. Первые ведра были выплеснуты не-

удачно: они только слегка обрызгали друг дружку. Но постепенно обе набили себе руку. Виржини первая получила прямо в физиономию: вода хлынула ей за шиворот, потекла по спине, по груди и вытекла из-под юбки. Не успела еще она прийти в себя, как слева, из другого ведра, поток воды ударил ее по левому уху и промочил шиньон, который раскрутился и повис. Жервеза пока что получала только по ногам: одно ведро попало в башмаки и промочило платье до колен, два следующих промочили ее до пояса. Впрочем, скоро стало уже невозможно оценивать удары. Обе противницы промокли с ног до головы, лифы прилипли у них к плечам, юбки приклеились к бедрам. Сразу похудевшие, посиневшие, они дрожали с головы до ног; вода текла с них ручьями, как с зонтов в проливной дождь.

— Есть на что поглядеть! — сказала сирым голосом одна из прачек.

Прачечная наслаждалась. Стоявшие впереди то и дело пятились назад, чтобы их не окатило водой. Среди шума выплескиваемых с размаху ведер, похожего на шум спущенной плотины, раздавались аплодисменты, сыпались шуточки. По полу текли целые потоки, обе женщины шлепали по щиколотки в воде. Но Виржини пустилась на подлость. Она вдруг схватила ведро с кипящим щелоком, приготовленным одной из соседок, и плеснула им в Жервезу. Раздался крик. Все думали, что Жервеза обварилась, но щелок только слегка обжег ей левую ногу. Обезумев от боли, она изо всех сил швырнула пустое ведро под ноги Виржини. Та упала.

Все прачки заголосили разом:

— Она сломала ей ногу!

— А как же! Ведь та хотела ошпарить ее!

— В конце концов, белокурая права. Ведь у нее отняли любовника!

Г-жа Бош, вздымая руки к небу, испускала горестные вопли. Она благоразумно укрылась между двумя лоханями. Испуганные, задыхавшиеся от слез Клод и Этьен держались за ее юбки и дрожащими плачущими голосами тянули:

— Мама! Ма-а-ма!..

Когда Виржини упала, г-жа Бош подбежала к Жервезе и стала дергать ее за платье, повторяя:

— Господи, да уйдите же! Опомнитесь... У меня просто сердце кровью обливается! Ведь это сущее смертоубийство!

Но она тотчас же ретировалась и снова спряталась с детьми между лоханями. Виржини вскочила и бросилась на Жервезу. Она схватила ее за горло и стала душить. Но Жервеза, изогнувшись всем телом, вывернулась, вцепилась ей в шиньон и повисла на нем всей тяжестью, словно намереваясь оторвать ей голову. Драка возобновилась — на этот раз молчаливая, без криков, без ругательств. Они сходились не грудь с грудью, а царапались, растопырив скрюченные пальцы, стараясь угодить друг дружке в лицо, ущипнуть, разорвать, расцарапать. Красная лента и синяя шелковая сетка были сорваны с брюнетки, лиф у нее лопнул у ворота, обнажилась шея и плечо; у блондинки белая кофточка висела лохмотьями, один рукав исчез неведомо куда, и из разодранной рубашки проступало голое тело. Ключья одежды летали в воздухе. У Жервезы первой показалась кровь: три длинные царапины шли от рта к подбородку. Боясь окриветь, она защищала глаза и прикрывала их при каждом ударе. Виржини еще не была окровавлена. Жервеза метила ей в уши и бесилась, что не могла достать их. Наконец она ухватила сережку, маленькую грушу из желтого стекла, дернула и разорвала мочку уха. Брызнула кровь.

— Они убьют друг друга! Разнимите этих безобразниц! — раздались несколько голосов.

Прачки придвинулись ближе. Образовалось две партии: одни науськивали противниц, как дерущихся собак; другие, более чувствительные, отворачивались, дрожа, кричали, что с них довольно, что им дурно делается. Началась перебранка; свалка грозила сделаться общей: уже протягивались голые руки, раздалась две-три оплеухи.

Между тем г-жа Бош разыскивала Шарля, служителя при прачечной.

— Шарль! Шарль!.. Да где же он?

Наконец она разыскала его. Шарль стоял в первом ряду и, скрестив руки, любовался дракой. Это был здоровенный малый с бычьей шеей. Он смеялся, он наслаждался зрелищем обнаженного женского тела. Блондинка была жирненькая, как перепелочка. Вот уморительно было бы, если бы у нее совсем лопнула рубашка!

— Ишь ты, — прищуриваясь, шептал Шарль, — у нее родинка под мышкой!..

— Как! Вы здесь? — закричала, завидев его, г-жа Бош. — Да помогите же нам разнять их!.. Ведь вы отлично можете справиться с ними!

— Ну нет, спасибо. Только не я, — хладнокровно отвечал Шарль. — Мне и так прошлый раз чуть глаз не выцарапали... Я здесь не для того поставлен; у меня и своей работы довольно... И потом, чего вы так боитесь? Им только полезно маленькое кровопускание. Они станут нежнее от этого.

Тогда привратница заявила, что пойдет за полицией. Но хозяйка прачечной, хрупкая женщина с больными глазами, решительно воспротивилась.

— Нет, нет, я не хочу. Это осрамит мое заведение, — повторяла она.

Борьба продолжалась на полу. Вдруг Виржини поднялась на колени. Она подхватила лежавший на полу валец, взмахнула им и хриплым, изменившимся голосом закричала:

— А ну, подставляй свое грязное белье!

Жервеза быстро протянула руку, в свою очередь схватила валец и подняла его, как дубинку. Она тоже прохрипела:

— А! Ты захотела хорошей взбучки?.. Подставляй кожу, я накрою из тебя ремней!

Несколько секунд они стояли так на коленях, угрожая друг другу. Растрепанные, грязные, распухшие, бурно дышащие,

они настороженно выжидали, переводя дыхание. Первый удар нанесла Жервеза: ее валец скользнул по плечу Виржини. Она сейчас же рванулась в сторону, чтобы избежать ответного удара, который только слегка задел ее по бедру. Постепенно войдя в раж, они стали свирепо и ритмично колотить друг друга, как прачки колотят белье. Глухие звуки ударов были похожи на шлепанье рукой по воде.

Прачки вокруг них больше уже не смеялись. Многие отошли, говоря, что их тошнит от этого зрелища. Оставшиеся толпились, вытягивая шеи, в глазах у них загорелся жестокий огонек.

Г-жа Бош увела Клода и Этьена; их плач, доносившийся с другого конца прачечной, смешивался с глухими ударами вальков.

Вдруг Жервеза вскрикнула. Виржини со всего размаху ударила ее по обнаженной руке выше локтя. Выступило красное пятно, кожа мгновенно вздулась. Жервеза в бешенстве ринулась на противницу. Казалось, она сейчас убьет ее.

— Довольно! Довольно! — закричали кругом.

Но лицо Жервезы было так страшно, что никто не решился подойти. С удесyтеренной силой схватила она Виржини поперек туловища, согнула ее, прижала лицом к полу. Несмотря на то что Виржини брыкалась, она задрала ей юбки на голову. Под юбками оказались панталоны. Жервеза засунула руку в разрез, рванула и обнажила ноги и ягодицы. Потом, схватив валец, она начала бить, как, бывало, била когда-то солдатское белье на берегу Вьорны, в Плассане. Валец с мягким звуком врезался в тело. С каждым ударом на белой коже выступала красная полоса.

— Ой! Ой! — шептал изумленный и восхищенный Шарль; зрачки его расширились.

Снова пробежал смех. Но скоро возобновились крики:

— Довольно! Довольно!

Жервеза не обращала на это внимания и продолжала бить. Она наклонялась и рассматривала свою работу, стараясь не

Літературно-художнє видання

ЗОЛЯ ЕМІЛЬ
Пастка
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *А. В. Альошичева*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. В. Супронюк*

Підписано до друку 28.12.2021.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 25,2.
Наклад 2500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 7032 від 27.12.2019 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЗОЛЯ ЭМИЛЬ
Западня
Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *А. В. Алёшичева*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. В. Супронюк*

Подписано в печать 28.12.2021.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 2500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61011, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 7032 от 27.12.2019 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Жервеза Маккар та її коханий Огюст Лантьє втікають з рідного села до блискучого Парижа. Вони сподіваються, що тут, у великому місті, здійсняться їхні мрії! Жервеза ж хоче небагато — працювати, завжди мати хліб, гідно виховати синів, не знати побоїв чоловіка. Тільки чи можливо це в робочому кварталі, на дні Парижа, де саме повітря просякнуте відчаєм і розпустою? Незабаром Жервеза залишається сама із двома синами на вулиці. Працюючи день і ніч, вона наближається до своєї мрії. Але пастка вже зачинилася...

Золя Э.

3-81 Западня : роман / Эмиль Золя ; пер. с фр. А. Ромма. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 480 с.

ISBN 978-617-12-9377-9

Жервеза Маккар и ее возлюбленный Огюст Лантьє сбегают из родной деревеньки в блистательный Париж. Они надеются, что здесь, в большом городе, осуществятся их мечты! Жервеза и хочет-то немного — работать, всегда иметь хлеб, достойно воспитать сыновей, не знать побоев мужа. Только возможно ли это в рабочем квартале, на дне Парижа, где сам воздух пропитан отчаяньем и пороком? Вскоре Жервеза остается одна с двумя сыновьями на улице. Работая день и ночь, она приближается к своей мечте. Но западня уже захлопнулась...

УДК 821.133.1